

Иероним Иеронимович Ясинский

Наташка

Иероним Иеронимович Ясинский

Наташка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707196

Аннотация

«В углу сырость проступала расплывающимся пятном. Окно лило тусклый свет. У порога двери, с белыми от мороза шляпками гвоздей, натекла лужа грязи. Самовар шумел на столе.

Пётр Фёдорович, старший дворник, в синем пиджаке и сапогах с напуском, сидел на кровати и сосредоточенно поглаживал жиденькую бородку, обрамлявшую его розовое лицо.

Наташка стояла поодаль. Она тоскливо ждала ответа и судорожно вертела в пальцах кончик косынки...»

Иероним Ясинский

Наташка

I

В углу сырость проступала расплывающимся пятном. Окно лило тусклый свет. У порога двери, с белыми от мороза шляпками гвоздей, натекла лужа грязи. Самовар шумел на столе.

Пётр Фёдорович, старший дворник, в синем пиджаке и сапогах с напуском, сидел на кровати и сосредоточенно поглаживал жиденькую бородку, обрамлявшую его розовое лицо.

Наташка стояла поодаль. Она тоскливо ждала ответа и судорожно вертела в пальцах кончик косынки.

– Значит, в подождании, – сказал Пётр Фёдорович, глянув в угол и поправив на затылке маслянистые волосы.

Как бы рассуждая сам с собою, он презрительно проговорил:

– Голь! Тоже – квартера! Угла не сможет снять, а квартера!.. Ах, братцы вы мои, и какое ж тут подождание! Ах, голь, голь!

Он слегка зевнул.

Наташка испуганно встрепенулась.

– Явите божеску милость! – выкрикнула она, приложив

руку к груди. – С места не сойти, ежели к маслянке не запла-
тим... Маменька как выздоровеют...

Но туман заволок ей глаза, голос пресёкся, и она заплака-
ла.

– Явите божеску милость! – повторила она сквозь слёзы
упавшим голосом.

Пётр Фёдорович лениво взглянул на неё.

– Вам колько лет?

– Семнадцатый.

– Чем же вы занимаетесь при своей маменьке?

– Мы ничем не занимаемся, – сказала Наташка, – а прежде
я в магазине была, да мадам прогнала, что я всё плакала...
Мне маменьку жалко было...

Дворник стал опять поглаживать бородку. Самовар то по-
тухал, то снова пыхтел, весело и бодро.

– А давно вы гуляете? – спросил вдруг Пётр Фёдорович.

Наташка потупила чёрные ресницы, и на её смуглом лице
выступил румянец.

– Я – не гулящая...

– Ой ли?

– Провались я...

– Ни-ни? – произнёс Пётр Фёдорович, на этот раз с
большим оживлением, и даже улыбнулся...

– Да что вы пристали, Пётр Фёдорович! – вскричала На-
ташка. – Это стыдно такое говорить... Право, что это... Я не
надеялась...

– Нишкните! – сказал дворник. – Никто вас не обижает!

Так колько вам лет? – спросил он строго.

– Шестнадцать, семнадцатый...

– Гм. А маменька чем же больны?

– Ноги... Всё ноги болят, – отвечала Наташка. – Так болят, что не приведи Бог! Это как скорчит, как схватит... «Моченьки моей, – кричат, – нету! Наташка, – кричат, – умираю!..» Бельё стирали, так простудились... И папенька тоже от простуды померли... Вот уже девятый год. Они меня грамоте учили, да ничего не вышло. А папенька были очень учёный. Маменька сказывают, они на сорока языках говорили и как, бывало, станут читать – словечка понять нельзя!.. Порошок знали от клопов, только маменька секлет забыли, а то б можно было много теперь денег заработать. И господа к ним хаживали, и всё водку вместе пили... А маменька всё, бывало, плачут.

Она замолчала. Пётр Фёдорович произнёс:

– Так-с...

Он медленно перевёл глаза с Наташки, которая вызывала в нём беспокойное чувство, на дверь, где висел железный крюк.

– Значит, как же насчёт подожданья? – спросил он вставая. – Хозяин приказывает, чтоб беспременно взыскать... Теперича выйдет, что я – потатчик разной там голи чердачной... Вы молодые, вы послужили бы, – прибавил он настаивательно, – да маменьке и сделали б помочь... Что ж, на мо-

розе несладко, чай, придётся!.. Чего ломаетесь?

– Явите божеску милость! – прошептала Наташка.

– Наладила одно!

– Я на гильзову фабрику поступлю. Сама отдам, своими деньгами! – с неожиданным приливом самоуверенности проговорила Наташка и бодро посмотрела на Петра Фёдоровича.

Но он махнул рукой.

– Теперь отдавайте. А об том мы неизвестны, когда вам там на фабрике... Да вы вот что...

Он взял её за плечо. Она вздрогнула и потупила глаза.

– Обождать можно... – начал он. – Отчего ж! На себя приму. Для меня это – деньги неважные. Может, у меня пятьсот рублей есть! Только вы... Да вы давно гуляете?

– Сказала я вам! – сердито отвечала Наташка и взглянула на него исподлобья, посторонившись.

Но он не выпустил её плеча из своих толстых пальцев.

– Вы... – он понизил голос. – Со мной погуляйте. Угощение будет.

Наташка чуть не крикнула: «Слюнявый», но удержалась.

– Сказала я вам, что я – не какая-нибудь, – заговорила она серьёзным, строгим тоном. – Ежели б я гуляла, – продолжала она, сбрасывая с себя руку Петра Фёдоровича, – мы бы не так жили... Мы бы квартиру в двадцать пять рублей взяли. Ко мне сколько приставали. Вон, прошедшим годом сын домового хозяина в Пассаже приставал. Обещал сто рублей.

Только говорит: «Поедем со мной, ежели ты честная». А я ему: «Ах, ты дурак, дурак!» А потом сваха приходила. «Не понимаешь, – говорит, – ты своего счастья». Но я тоже её обругала.

Пётр Фёдорович насмешливо произнёс:

– Горды уж очень: нам, значит, и думать нельзя! Куда нам!

Ну, однако...

Он замолчал... Губы его были сжаты... Наташка беспокойно посмотрела на него и собралась уходить.

– Так нам выбираться? – спросила она глухо.

– Стойте, – произнёс Пётр Фёдорович, решительно загромождавая ей дорогу, – потолкуемте... Чайку не выкушаете ли чашечку? Человек я жалостливый. Может, и... подожданье...

– Покорно благодарствуйте за чай! – сурово, с бледным лицом, отвечала Наташка и как мышка шмыгнула вон из подвала, крикнув за дверью злым голосом, в котором дрожали слёзы. – Бессовестные! Ах, вы бессовестные! Как же! Съехали! Дождитесь!

Пётр Фёдорович, напряжённо улыбаясь, поправил волосы обеими руками и, подойдя к самовару, сказал себе в утешение:

– Теперя на нас не пеняйте! А мы и почище найдём. Эх, народ какой ноне стал!! Прожжённый!

II

Мать Наташки, Аглая, дрогла от стужи, под одеялом, из дыр которого ползла вата грязными клоками. Оконца намерзли. Потолок низко навис, безобразные тени обволакивали углы, кровать, ухваты и вилы возле печи, пол зиял чёрными щелями. Перед тёмной иконой висела лампадка как огромный серый паук. Давно уж она не теплилась. Аглая с голодной мукой смотрела вокруг, приподнявшись на локте, выбирая взглядом, что бы продать или заложить. Но взгляд ни на чём не останавливался, и она с тоской упала на подушку, злясь и кашляя.

Дверь отворилась со скрипом, и вошла, запыхавшись, Наташка, с красными от холода щеками.

– Ну, что? – спросила Аглая.

Девушка потупилась, хотела что-то сказать, но смолкла на полуслове, села на табуретку и, шатая ногой, стала смотреть в окно.

– Что ж матери не отвечаешь?

– Да что отвечать... Ничего не сказал... Путаник!

– Что ж он тебе?

– Погуляем, говорит...

– Тоже! Ах, скажите, пожалуста, какой герцог явился! – сердито вскричала Аглая. – Кабы ты не была дурой, Наташка, наплевала бы ему в самые буркала, а вечером деньги при-

несла бы и сказала: «Нате вам, не нуждаемся в вас, мужиках необразованных»...

– Маменька, – сказала Наташка, водя пальцем по стеклу, – вы опять говорите такое... А мне, маменька, это стыдно слушать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.